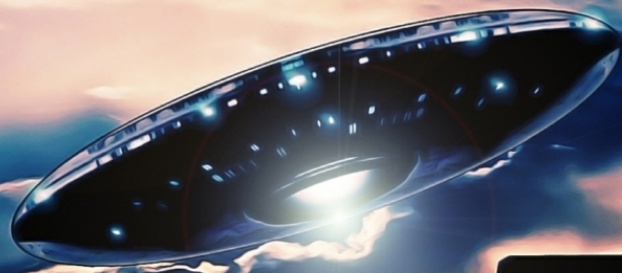
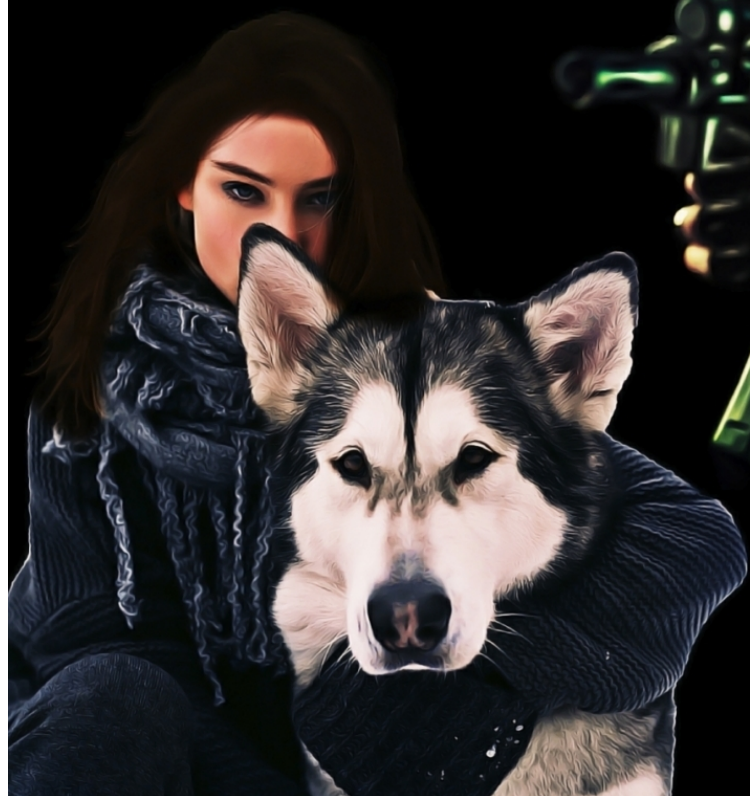

Алекс Дроздов

Гримуары
Подземка
Хаска

16+

Алекс Дроздов

Гримуары. Подземка. Хаска

«Автор»

2012

Дроздов А.

Гримуары. Подземка. Хаска / А. Дроздов — «Автор», 2012

Три истории, три жанра. Гримуары - ключики для овладения сверхъестественной силой. Герой случайно находит книгу, раскрывающую все тайны божественного преображения. Вместе с друзьями он побеждает вселенское зло. Целеустремленность, юмор и магия. Подземка - индивидуальный взгляд автора на известную тему пост-апокалипсиса. Хаска - Сумасшедшая любовь московского мажора и шаманки- тунгуски.

© Дроздов А., 2012

© Автор, 2012

Алекс Дроздов

Гримуары. Подземка. Хаска

Гримуары

Пролог

Возница спрыгнул с повозки и неловко накинул вожжи на ближайший толстый сук.

Дальше дороги не было.

Откинув полог, он достал сумку, повесил её на плечо и пошёл вперёд вдоль заросшей травой колеи. Через сотню ярдов лес поредел, и показалась мостовая. Она упиралась в старый подъёмный мост.

Монастырь Святой Елены.

Цель его многодневного пути была достигнута.

Ворота крепости оказались открытыми настежь. Сквозь арку путник увидел внутренний двор, вымощенный серыми каменными плитами, меж которыми пробивалась молодая трава.

Над сторожевой башней реял флаг с синим крестом ордена симонитов.

Путник перешёл через мост, и, миновав ворота, уверенно обогнул башню с восточной стороны.

Он стал подниматься по боковой лестнице, неизвестно для каких целей пристроенной к монастырской стене.

В отличие от фасада эта стена монастыря оказалась почти полностью разрушенной. Тёмные провалы бойниц и окон напоминали глазницы черепов, ветер колыхал в них обрывки паутины. Чувство присутствия смерти усиливал погост под самой стеной.

Человек поднялся вверх, к башне. Дверь висела на одной петле, скрипя от порывов ветра.

Что-то его насторожило.

Он стал с тревогой всматриваться поверх деревьев туда, откуда и пришёл. Там, вдалеке, где дорога упиралась в долину, показались всадники.

– Нет, нет, – вскричал он и торопливо проник в башню, прижимая к груди то, что нёс с собой. В полутьме он отыскал нишу в стене и вложил в неё содержимое сумки – продолговатый предмет, тщательно зашитый в пропитанный воском пергамент. Надёжно задвинув камень перед нишей, он поспешил назад.

...Он почти побежал по дороге. Повозка стояла там, где он её оставил. Конь щипал траву под деревьями.

Всадники появились внезапно, с разных сторон. Видимо, они поджидали его в чаще. Он вскочил на повозку, разворачивая коня, надеясь на чудо, но оно не случилось. Стрела, выпущенная из арбалета, попала ему в шею. Захрипев, он повалился на бок.

Тот, что был старшим, неспешно приблизился к умирающему.

– Вот мы и встретились, Кальвин, – произнёс он негромко и сделал знак рукой. Двое других преследователей спешили и вытащили тело, бросив его на землю.

– Ищите книгу, негодяи, – приказал старший.

Через минуту или две поисков она была найдена.

– Я нашёл её, сэр!

– Сожгите её, и побыстрее.

Они разожгли костёр. Книгу разрубили алебардой, её обрывки бросили в пламя. Старший с минуту наблюдал, как горят страницы. Затем повернул браслет на правой руке, и неслышная вспышка озарила лес.

Его подельники упали замертво.

Глава 1

Приглушено, иногда совсем пропадая, где-то звучал Miles. Винс осознал, что проснулся – шум вползал в голову настойчиво, неумолимо.

Боже, почему ты не забрал меня вчера.

Он встал и поплёлся на кухню, задевая углы. Включил чайник.

Курить...

Он где-то читал, что курение способствует принятию решений. Каких решений? Что он должен решать?

Если сейчас он не найдёт то, что так необходимо для нормального течения жизни... То, что так необходимо, как воздух... Как вода.

Кофе невозможно пить, он обжигает горло. Даже сойти с ума невозможно. Всё – невозможно. Нет ничего возможного.

Где-то в глубине адской боли тихой мышью скреблось то, ради чего он проснулся. Как он мог это забыть?

Сознание постепенно совмещалось с телом.

Книга называлась «Г. Кальвин. Гримуары к пневматике». Он скачал её в сети, случайно наткнувшись на каком-то мистическом сайте. Винс и раньше слышал про неё. Говорили, что её купил некий священник в немецком книжном магазинчике за смешную цену. И что этот священник даже как будто нашёл продавца этой вещицы. Какой-то бургер. Тот был полным профаном в древностях и рассказал, что нашёл книгу на развалинах монастыря, откуда возил камни для постройки дома.

Но никто не читал её полностью. Утверждали лишь, что в ней содержится тайная схема овладения могуществом, полная власть над миром, и что эта схема работает. Были известны пять отрывков из первой главы, которая так и называлась: «Введение во власть».

Винс пролистал скачанный материал и удивился объёму – текст был полный. На следующий день в пять утра он кинулся на тот сайт, но ноут выдал: «Not found the page».

Скорее всего, подделка.

Он погрузился в чтение, и это захватило его. Перевод изобиловал опечатками и неверными оборотами, но сама суть, содержание книги постепенно повергало его в шок...

Глава 2

«Семь королей приходят и умирают в трижды разрушенном Мире»...

(Книга Чисел)

Как выстрел из пистолета в прихожке раздался звонок.

Винс открыл.

Пришла Белка. Вообще-то её звали Бэллой, но как-то сократилось естественно.

– Привет. Ты чё какой растопыренный?

Не дожидаясь ответа, она впёрлась прямо на кухню.

На ней болталась вязанная ветровка на три размера больше с разноцветными полосками вдоль. Ниже ветровки виднелись не то колготки, не то гамаша с точно такими яркими полосками, но уже поперёк. На ногах ботиночки а-ля «Агузарова на Бродвее».

Он позвонил ей час назад, потому что... Потому что из всей ихней компании только Белка обладала какой-то домашней уютной аурой. От неё пахло этим уютом. То ли лавровым листом, то ли докторской колбасой с яичницей. И ещё она обожала всем помогать и лечить, особенно лечить. Не дай бог кто-то начинал чихать и хныкать – Белка мчалась на всех парах и с наслаждением поила больного слатенькой бурдой, ставила градусник и даже горчичники.

– Извини, только Клинское. На Будвайзер денег не хватило, а тугрики они не принимают, гады.

Она откупорила бутылку и разлила пиво в два великолепных богемских фужера.

– На, пей, кузнечик. И цени, что я сегодня выходная.

Она продефилировала босиком в гостиную – собственно, она же и спальня. Винс жил в однушке.

Он залпом выпил пиво. Стало гораздо лучше.

– «Гримуары» – прочла она вслух на экране ноута, – Это что такое? «к пневматике»... А, поняла. Которая такими шариками стреляет?

– Бел, гримуары это ключики, – Винс выключил ноут.

– Винс, брось ерундой заниматься, – она открыла вторую бутылку.

– Это не ерунда. Я давно искал эту книгу. Хочешь, расскажу тебе?

– Не-а. Некогда. Мне к парикмахеру, а потом... В общем, у меня вечером встреча с одним человеком.

Она впрыгнула в ботиночки и подхватила сумку с пакетом.

– Бывай, Нострадамус, – и хлопнула дверь.

Винс снова включил ноут и погрузился в чтение.

...Автор книги, Ганс Кальвин, живший в 15 веке, утверждал, что нашёл некий ключ к власти над миром. И что любой человек может им воспользоваться, но при соблюдении ряда условий. Эти условия были изложены в виде маленьких «ключиков», гримуаров, во «Введении». Эта часть книги занимала восемьдесят процентов всего текста.

Винс не понимал, почему.

Он искал практические указания, а не пространные теософские измышления, приправленные нескончаемыми притчами. Но его заинтересовал сам слог, каким была написана книга. Он чувствовал не надуманную, не кабинетную, а истинную уверенность автора. Словно тот твёрдо знал, о чём говорил.

В эпиграфе к введению было сказано:

«Этой книгой я разбиваю все истины, как разбивал иллюзии Асклепий и пренебрегал ими Сиддхартха. Как отделял тонкое от плотного Трисмегист, как вселял уверенность и веру Навин. Уподобься же им и ты, ищущий Ключи».

На обложке был изображён символ в виде креста, переплетённого двойным кадуцеем. И далее, перед каждой частью стоял тот же самый символ, мастерски прорисованный неизвестным древним каллиграфом.

Винс не был новичком в оккультизме. Он перелопатил горы книг, но польза от прочтения была столь ничтожна, что он готов был усомниться в существовании хоть какого-то рационального зерна.

Однако он хорошо разбирался в методологии. Древние очень любили говорить загадками. Так, алхимик мог составить вот такую химическую формулу: «Добавьте к тридцати унциям карбида кальция десять унций гнева. Поставьте на огонь...»

Начало книги было посвящено астрономическим вычислениям орбит, в основном для Меркурия. Это показалось Винсу интересной зацепкой.

И он стал кропотливо исследовать книгу...

Как ни крути, странная планета – Меркурий. При 40% кислорода в атмосфере и средней температуре 60 градусов там могла бы быть жизнь. Но днём на его поверхности кипит вода, а ночью почти абсолютный ноль...

Комбинация движений планеты порождает ещё одно уникальное явление – эффект Иисуса Навина. Вблизи перигелия в течение 8 суток угловая скорость движения по орбите превышает угловую скорость вращения. И Солнце на небе Меркурия останавливается и начинает двигаться назад – с запада на восток.

Именно так, согласно легенде, Иисус останавливал Солнце...

Винс хорошо знал, что в астрономии символ Меркурия представляет собой изображение крылатого шлема бога Меркурия с кадуцеем.

А в оккультизме кадуцей считается символом ключа, открывающего предел между тьмой и светом, добром и злом, жизнью и смертью. С XIX века изображение часто использовалось в ряде стран (например, в США) как символ медицины, что является результатом распространённой ошибки по причине его сходства с посохом Асклепия.

В алхимии при создании Философского Камня принцип «Сера» нейтрализуется с принципом «Меркурий» посредством принципа «Соль». При этом непонятно по какой причине сам Камень называют Меркурием Философов, или Универсальным Растворителем, или Азотом Мудрецов.

По иной технологии Азот Мудрецов (а попросту астральный свет) добывают из Магнезии посредством пропускания электрических разрядов. Последнее обстоятельство заинтересовало Винса, и он сделал первую запись в специально отведённой для этого папке. Туда же он записал юникод кадуцея – ;.

Всё это приводилось в книге, но совсем не в той последовательности, чем, скажем, у того же Папыса или Сен-Жермена.

Винс потратил на чтение почти двенадцать часов. Он пошарил в Интернете на ту же тему и нашёл интересные исторические факты.

В 1675 году ко двору короля Леопольда явился некий Зейлер, до этого занимавшийся магией в ордене августинцев в Праге. Он заявил королю, что может продемонстрировать свои познания и превратить любой металл в золото.

Король согласился, и пожелал, чтобы Зейлер проделал это публично. В случае обмана или неудачи он пообещал отрубить Зейлеру голову, и тоже публично.

В назначенный день на виду всей Вены Зейлер взял серебряную медаль, специально отчеканенную для такого случая, и опустил её в свой секретный раствор. Но лишь наполовину, чтобы была видна грань превращения. Спустя мгновение обработанная часть медали оказалась золотой.

Сию медаль весом 7 кг и сегодня может лицезреть любой желающий в Музее истории искусств Вены. На ней можно прочесть надпись: «Этот истинный опыт полного превращения металлов в золото был проведен в праздник Святого Леопольда». Современные учёные исследовали артефакт спектрально, и не обнаружили признаков подделки.

Другой случай не менее занимателен.

В 13 веке король Англии Эдуард 3 вознамерился идти войной на Иерусалим, но для этого нужны были средства, и немалые. Он обратился к знаменитому тогда алхимику Луллию, и тот произвёл для Эдуарда в своих ретортах аж 27 тонн чистого золота. Ошеломлённый король повелел отчеканить из него дукаты, которые заполнили всю тогдашнюю Европу. На Иерусалим поход не состоялся по причине потери всякого смысла.

Одно обстоятельство позволяет не называть этот факт легендой – в упомянутые времена Англия ещё не владела колониями с золотыми рудниками, и не имела их на своей территории. Даже конфискованная золотая церковная утварь едва покрывала пару процентов от этих дукатов.

В 1963 году голландский химик Карл Ван Ниевенбург воспроизвёл трансмутацию с помощью современных научных методов. Он проделал огромный труд по переводу алхимических аллегорий на язык современных формул и до мелочей воспроизвёл все действия старинных мастеров. И получил легендарный красный порошок – хлор-аурат серебра! Он сделал заявление, что с помощью этого вещества можно делать очень качественную позолоту, и продемонстрировал это, пообещав, что опубликует в научной печати весь процесс. Но сделать это Ниевенбург не успел – погиб в автокатастрофе в тот же день.

Поначалу Винс не понимал, какая могла быть связь между Меркурием, золотом, электричеством и пневматикой. И вдруг понял, внимательно рассмотрев репродукцию известной фрески Боттичелли – сандалии с крыльями на ногах Трисмегиста.

Ну как же!

Пневматика – оккультное учение о пневме, скрытой таинственной силе. Сборник магических законов, владение которыми позволяет управлять «пневмой», т.е. духами воздуха. Он был знаком с этим хорошо. Ближе всего ему подходили определения Пневмы пифагорийцев и Аристотеля: вдыхаемая Космосом бесконечная субстанция или психическая субстанция, постоянно испаряющаяся из крови.

Эти маги в основном жили в средние века и, руководствуясь, с одной стороны, желанием только своим ученикам доверять великие тайны, а, с другой стороны, желанием избежать костра инквизиции – окутывали себя молчанием более, чем обычно. Они обновили символизм верховных жрецов Египта, используя его как барьер между своими тайными обрядами и невежеством толпы непосвященных; они создали настоящий каббалистический разговорный язык. Он ослеплял ложных неофитов, притягивавшихся к знанию из жадности, желания богатства и силы, которыми они бы, конечно, неверно воспользовались, если бы обрели власть; но этот язык в то же время понятный – для истинных учеников Триждывеличайшего.

Винс решил пропустить некоторые тексты через дешифратор – программу, которую он сам же и разработал.

Глава 3

Зазвонил мобильник.

– Алло, Винс.

– А.

– Винс?

– А.

– Винс, это я.

- А, это ты, очкарик?
- Живой, мля. А то здесь Белка всех на уши ставит.
- Тебе чего надо, Бота?
- Да я так. Чем занимаешься?
- Вивисекцией. Препарирую младенцев.
- Зачем это ты их?
- Профилактикой занимаюсь. От летаргии.
- Ясненько. Я к тебе зайду после работы?
- Попробуйте.

Бота, Бот, или Борис Олегович Траутенбах, в обиходе Ботинок. Единственный, с кем Винсу было интересно иногда попить пива. Славный очкарик.

Почему так болит голова? Божеж мой, это вчера... А что было вчера?

Винс в одних трусах поплёлся на кухню. Старая шутка. Почему в одних трусах? Потому что в двоих плестись жарко.

В холодильнике был торт и бутылка виски. А где водка???

Он вспомнил, что водку отдал Белке, она собиралась на день рождения. Он свернул головку пузыря и налил в большую рюмку. Эта рюмка на ножке, гранёная, досталась от отца. Она точно вмещала сто грамм.

Винс вытащил вилкой из банки один огурец и уже собрался опрокинуть в рот содержимое, как вдруг вспомнил – не было вчера никакой пьянки.

А что было?

Он запустил программу, и ноут повис. Он перезагрузил, снова запустил, и он снова повис. Оставив бессмысленные попытки, он вроде начал читать дальше, но... не помнил, как уснул.

Винс вылил виски обратно в бутылку и включил комп.

Книга была раскрыта на двести двадцать второй странице. На чём он остановился?

Дальше следовал раздел, носивший название «Крест Животворящий». Он содержал десять глав, пронумерованных не римскими, как было принято в средние века, а арабскими цифрами.

1, 2, 3. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0.

Он не помнил ни одного слова из прочитанного.

Винс взял десять листов бумаги и на каждом нарисовал по одной цифре. Разложил их вокруг себя на полу. Страшно кружилась голова, надо что-то принять. Что принимают от головокращения?

– У тебя дверь открыта, – Бота стоял в коридоре с мешком в руках.

– Ты похож на мультяшного Каспера, блин. Заходи.

– Я уже зашёл. Что это у тебя?

– Цифры.

– Да, я вижу.

– Арабские.

Бота снял куртку, вытащил из мешка четыре бутылки пива.

– Где стаканы?

– Там. Я не буду.

– Хых...

Он выпил залпом стакан и разорвал пакетик с чипсами.

– Вообще-то они не арабские. Их придумали в Индии, где-то в начале летоисчисления. Арабы только распространили их по всему миру.

– Сядь, не мельтеши. У меня что-то с головой. Что ещё скажешь?

Перед глазами у Винса поплыл черный туман.

– Они произошли от цифр Деванагари. Когда-то, ещё до Веданты, в Индии жили люди полубоги, Наги, которые умели летать по небесам. Они придумали такие «свисающие» сверху вниз буквы. А обозначают они...

– Что? Что они обозначают?

– Ты не знаешь? Углы.

– Углы?

-Да, углы. Единица – один угол. Двойка – два угла, тройка – три, и так далее. Ноль – круг, без единого угла. Пустое место.

– Нет.

Внезапно головокружение прекратилось, и голова стала ясной, как стекло.

– Что – нет?

– Не углы.

Бота улыбнулся до ушей.

– А что?

– Это физико-химическая формула процесса.

– Угу. Винс, может всё-таки плеснуть тебе пива?

– Смотри. Единица – короткая палочка-носик, и длинная – тело. Ровно в два раза. Это формула воды, два атома водорода и один атом кислорода. Двойка – символ переменного тока. Изображает часть синусоиды. Тройка – символ смещения фазы, добавлена палка. Четвёрка, палка в бок – насыщение воды свободными радикалами водорода...

Бота открыл рот.

– А пятёрка?

– Это фазовое вращение, которое должно действовать перпендикулярно индуцируемой волне... Изображение, обратное двойке.

– Что, что? Откуда ты всё это взял?

– Не знаю. Но догадываюсь.

– И откуда?

Винс показал на монитор, на котором была открыта двести двадцать вторая страница. Бота сел на стул и стал читать. Через пару минут он, как показалось Винсу, с трудом оторвался.

– Тут ни слова об этом. Какой-то религиозно-мистический бред. Тебе пора завязывать с этими игрушками.

– Да, наверно ты прав.

-Винс откупорил бутылку с пивом и хлебнул из горлышка.

– О, какой кайф. Дай-ка мне айн пакетико.

Они сели за стол, Бота вывалил все чипсы в большое блюдо.

– Совсем другие яйца, старик.

На следующий день Винс наметил поездку, надо искать работу. Что-то проклюнулось стоящее, и требовалось личное присутствие.

Выходя из подъезда он столкнулся со странным типом. Высокий, черноволосый, с пронзительным взглядом, одетый в какой-то музейный то ли зипун, то ли камзол, незнакомец выронил антикварный браслет. Тот зазвенел и покатился в клумбу.

– Извините.

Надо было ещё заехать к Боту в универ. Бота руководил лабораторией и под его началом ещё числился институтский экспериментальный цех. Это не хухры-мухры. Только Винс никак не мог вспомнить, зачем ему надо было к Боте. Ну да по пути вспомнится.

Он влез в маршрутку и почувствовал, что его снова стало плющить.

Глава 4

Куда мы возвращаемся, вспоминая прошлое?

И почему считаем прошлым лишь яркие всплески картинок из своей жизни? Что-то личное, собственное, окрашенное в наше к нему отношение.

Люди, события, и снова – люди, события...

Память избирательна и субъективна. Но ведь это ничего не объясняет.

На самом деле, прошлое – это та тончайшая материя, из которой соткана наша личность, наше «я». И прошлое – это информация, заложенная в эти ячейки памяти. Это выученная таблица умножения, прочтенные стихи, предпочтения, вкусы, опыты и ошибки. Обучение рабочим навыкам, умение читать и писать, способности, взгляды на происходящее – всё закладывалось в осознание тогда, давно.

И теперь, в настоящем, мы являем собой отпечаток нашего начала.

«Я» – это моё прошлое.

Мы не в силах изменить его, и не можем понять, что прошлое творится в каждую текущую секунду. Мы сами делаем и сделали себя такими, какие есть. Потому что настоящее в следующий миг становится нашим «я».

Воспоминаниями о себе настоящем.

Но в каждом из нас что-то заложено свыше. Какой-то непонятный алгоритм, команда. И, повинаясь этой команде, мы игнорируем необходимое и внимательно изучаем ненужное. Недоучиваем таблицу умножения и переучиваем словари.

Развиваем тело и забываем об интеллекте.

Нам нравится определенно одно, и не нравится неопределенно другое.

Мы не понимаем эпоху, в которой рождены. Зачастую эпоха не принимает нас, поскольку некоторые из нас её переросли ещё в момент рождения.

Тогда человек или превращается в подлеца, или напротив, бывает побиваем камнями за несоответствие этим общим стандартам...

Нет, в свои двадцать восемь лет Винс был неплохим малым, он ничем не отличался от своих товарищей из нашего офисного планктона. Любил выпить, «оттопыриться» в ресторане, на природе или на дискотеке. И прочие мирские удовольствия в свободное от работы время были ему не чужды.

Он лишь немного острее чувствовал несправедливость, и в глубине души наивно верил во что-то такое, что эту справедливость разделяет.

Он верил в честных ментов и правителей. И, как это часто бывает, не верил в высший разум. Его юность прошла почти без встреч с подлостью и жестокостью, с безнаказанностью и ложью. Весь свой изначальный опыт он черпал из добрых книг позапрошлого древнего века, в которых добро всегда побеждало. Когда его сверстники постигали уличные университеты, он просиживал дома за очередной книжкой Жюль Верна или Вальтера Скотта.

...Лаборатория Боты находилась на восьмом этаже огромного корпуса ВНИИ Биофизики, на большой Академической. Винс просочился сквозь кордоны вахтеров и поднялся на лифте с несколькими сотрудниками, инстинктивно выделив среди них симпатичную особь женского пола с выбивающейся рыжей чёлкой из-под шапочки. Особь тоже заметила Винса, она бросала на него короткие взгляды.

Да, но надо было заниматься делом.

Он постучал в тяжёлую стальную дверь с кодовым замком, и Бота открыл ему. В лаборатории он был один, все уже разошлись.

Винс огляделся.

Вдоль стены стояли автоклавы, муфельные печи и термобарические камеры. Столы заставлены ретортами, пробирками и склянками, собранными в причудливые схемы. На полках – электронные анализаторы, системные блоки, источники частоты.

Бота сел на крутящийся стул и, выключив компьютер, достал пепельницу из ящика стола.

– Шеф ругается. Кури, если хочешь.

– Нет, не хочу.

– Ну давай, колись, что ты хотел?

Винс на минуту задумался, потом покрутил головой, словно хотел отогнать навязчивое видение.

– Хотел собрать одну схему.

– Это не ту, что зашифрована в арабских буквах?

– В цифрах...

– Один хрен. Винс, может ну её на фиг?

– Нет... Вот, посмотри.

Он стал быстро чертить на бумаге, сопровождая схемы пояснениями в виде режимов и условий. Бота следил за записями, и его лицо всё больше принимало удивленное выражение.

Когда Винс закончил, Бота взял бумагу. Руки его немного дрожали.

– Откуда ты взял такие вводные данные?

– Данные, манные... Какая разница? Не морочь мне голову. Короче.

– Хорошо. Ну, предположим, что я получу такую амплитуду с такой частотой, и даже получу устойчивое смещение. Придётся взять второй генератор у Валерки... Хотя интересно с точки зрения теории поля – что может получиться из этого.

– Ты сделаешь?

– Парниша, сделать-то я сделаю, но ты забыл главное.

– Что?

– Куда это всё подключать? К телевизору или к тостеру?

Винс дёрнулся, как в каталепсии. Он взял ещё один, чистый лист, и нарисовал на нём неровный крест, с удлиненным одним лучом.

– Вот. Электроды – сюда, и сюда. Вот здесь смещение фазы, а здесь задающая частота. Она должна быть равна половине рабочей.

Бота вытаращил глаза.

– Ну да... Эээ, а из чего должен быть сделан этот крест?

– Из четырех стеклянных труб диаметром сто миллиметров. Их надо спаять в центре и заполнить дистиллированной водой.

– Зачем? Ты в своём уме вообще?

Винс растерялся. Он сам не понял, откуда ему пришло в голову, что прибор должен быть именно таким.

Бота потушил сигарету и закурил вторую.

– Слушай, это полная чушь. Что мы должны получить в результате, ты хоть примерно знаешь?

Винс рассеянно прошелся вдоль лабораторных столов.

– И придёт он крестить вас не водой, но огнем...

– Что? Ты что-то сказал?

– Я? Нет, ничего...

– Ладно. Иди домой, возьми такси лучше. Я закрою лабораторию, заеду к Белке и через час мы будем у тебя. Никуда не выходи, и главное – никому не открывай дверь. Нет, пожалуй, я сам тебя на машину посажу. Что-то мне не нравится цвет лица твоего, сын мой.

– Боть, я себя хорошо чувствую. Ни разу ничего не болит.

– Точно? Тогда езжай, а мы следом.

Бота приехал через час, но без Белки. Он не позвонил в звонок, а постучал. Вид у него был такой, словно он в подъезде только что увидел привидение.

– Я сейчас у подъезда видел странного типа. Такой, знаешь, как на картинках средних веков – в плаще, шляпе, и прочее.

– И что странного?

– Да нет, ничего, если не считать шпаги. Я другое хотел сказать. Пожалуй, я закажу такие стеклянные трубки в экспериментальном цехе. На алмазном круге сам разрежу, потом горелкой сварю. Думаю, что за три дня управлюсь. Сегодня четверг, а во вторник соберу установку.

И – включим?

Глава 5

– Может, выпьем? – Бота открыл холодильник и достал бутылку виски.

– Закусить нечем.

– А вот же – торт!

– Да, да, я про него забыл. Тогда наливай.

Винс достал две стопки без видимого энтузиазма. Пока Бота резал торт и наливал, он подошел к окну.

Там падал первый в этом году снег. Он шел большими хлопьями в свете одинокого фонаря.

– Что там у нас?

– Снег...

Бота сел за стол и пододвинул к себе тарелку.

– Вот и зашибись. Надоела эта слякоть. Ну, за природу, – он поднял стопку и опрокинул её в рот. Винс держал стакан в руке, наблюдая за игрой бликов чайного цвета жидкости.

– Ты что не пьёшь?

– Думаю.

– Ты что, с ума сошёл? У тебя после этой книжки вторая половина отказала. Поверь мне, Винси, только в водке – счастье!

Винс молча повертел стакан в руке и поставил его на стол.

– Знаешь, Бота, пожалуй я пойду спать. Что-то я себя чувствую не айс.

– Да? Ладно, старик. Без базара, – Бота выпил вторую стопку и вонзил вилку в остатки торта.

Винс ушел в комнату и включил ноут.

На экране открылась двести двадцать вторая страница.

– Ничего, если я всё съем? – слышалось из гостиной.

...Буквы сливались на мониторе в серые полосы. Полосы двигались и рождали замысловатые узоры.

Он не заметил, как его сморил сон.

Винса разбудил громкий стук. Он посмотрел на погасший экран и с трудом оторвался от стула. Его шатало.

...Бота лежал на полу в неестественной позе – ноги были переплетены, а левая рука заломлена под туловище.

Над ним склонился незнакомый мужчина. Он смотрел на свои наручные часы. Нет, это были скорее не часы, а браслет из серебристого металла. Винс удивился – ему показалось, что мужчина появился только тогда, когда он представил его.

– Вы кто? Что вы сделали с Ботой?? – Винс не узнал свой голос, хриплый и низкий.

Мужчина обернулся.

Лицо с геометрическими, слегка грубыми чертами показалось Винсу знакомым. Длинные усы с поднимающимися, как у Дали, концами придавали ему гротескную ноту, а аккуратно подстриженная борода говорила об аристократичности владельца. Волнистые чёрные длинные волосы ниспадали на плечи.

Он был одет в камзол викторианской эпохи, шитый золотом. На ногах – ботфорты. К кожаному поясу (Винс потряс головой) пристегнута тяжелая шпага.

Завидев Винса, незнакомец улыбнулся, словно нашёл того, кого так долго искал.

– Ты кто? – повторил свой вопрос Винс.

– Менинген. Граф Отто фон Менинген, к вашим услугам. А вы Винсент Кальвин?

– Н-н-нет... Калевин моя фамилия. Винсент, правда.

Незнакомец снова улыбнулся и повернул кольцо на браслете.

У Винса помутилось в голове и его мгновенно стошнило прямо на стул, стоящий между ним и мужчиной. Он судорожно схватился за горло, за ворот рубашки, и, махая левой рукой в воздухе, рухнул на пол.

Яркие лучи солнца били в незашторенное окно.

Винс проснулся и посмотрел на часы, висящие над зеркалом – без четверти двенадцать.

Приснится же такое...

На всякий случай он заглянул в гостиную. На столе стояла пустая бутылка из-под виски и два стакана.

Боты не было.

Винс поплелся на кухню и налил в кофеварку воду. Потом вернулся к ноутбуку и включил питание.

На экране высветилась последняя страница книги с вензелем креста и Меркурия.

Неужели он прочитал всё?

Он попытался вспомнить, но не вышло. Вернее, он знал содержание, он чувствовал его, но конкретный текст вспомнить... не мог. Как мимолетный сон, который стоит перед мысленным взглядом только в первые минуты пробуждения, а через час растворяется без остатка.

И всплывает неожиданно в памяти спустя год, или два.

Во вторник позвонил Бота.

– Шеф, усё готово. Согласно утверждённому плану.

– Бота, я... я сейчас же приеду!

– Не, торопиться не надо. Ты хочешь взорвать Вселенную в рабочее время? Приезжай часов в восемь. Да, и пройди через мастерские, вахта будет уже закрыта.

– Хорошо.

В лаборатории горело только дежурное освещение.

– Чтобы никто не догадался, – пояснил Бота и показал на собранную установку рукой, словно приглашая на презентацию.

Винс никак не ожидал, что она окажется такой большой.

Прямо на полу лежал крест из стекла, напоминающий пропорциями католический. Он был опутан электродами, а к центру вели шланги от дистиллятора. По вертикальному вектору в торцах трубок Винс заметил две силовые шины из чистого золота.

– А это ты где взял?

– Где взял, где взял... Купил. Ну что, запускаем, мин херц?

Винс почувствовал, как забилося сердце. Он зачем-то посмотрел в черное окно и при-
тонулся к нему рукой.

Оно было холодно, как лед.

– Может, подождем?

Но Бота уже щёлкал тумблерами генераторов. Комната осветилась мерцанием шкал и индикаторов, и ухо Винса уже уловило негромкое жужжание контуров.

Он посмотрел на крест.

Вода приобретала голубоватый оттенок, она как будто засветилась.

– Ух ты, красотища, – Бота тоже уставился на крест.

– Смотри!

Крест медленно оторвался от пола и завис, покачиваясь, словно лодка Харона.

– Ух ты, – снова произнёс Бота и вдруг вспрыгнул прямо на крест.

– Ты что делаешь?

– Нормуль, Винс. Иди ко мне, прыгай. Пряма ковер-самолет!

Он и впрямь стал похож на Хоттабыча, полы его пиджака развивались от поднимающихся из-под креста легких токов воздуха.

Вдруг гудение контуров перешло в высокую ноту, и шины приобрели малиновый оттенок – ток возрос скачкообразно.

– Бота, прыгай!

Раздался оглушительный треск, и Боту выбросило в проход между столами. Мгновенно сработал автомат подстанции, и свет погас...

Винс стоял, как замороженный – КРЕСТ ПРОДОЛЖАЛ...РАБОТАТЬ.

Но совсем по-другому. Над его центром, в полуметре, висело нечто, похожее на глаз. Как око Саурана, оно горело и меняло зыбкие очертания. Винс смотрел на него и вдруг понял, что это такое – он увидел через него «глубь земли». И там, в глубине, творилось невообразимое – летали черные тени, птицы, горело адское пламя, метались сполохи и молнии. Око проли-
вало вниз столб белого света, своеобразный тоннель, достигающий самого центра Земли. Тени, касающиеся этого света, вспыхивали и сгорали. До Винса доносился их неясный стон, или гул.

Но Око «работало» в две стороны.

Вверх, в потолок, светил второй, черный столб света. Винс не понимал логикой ума, как может выглядеть анти-свет, он не мог описать его доступными словами или мыслями – но он видел его! И это был факт.

От беззвучного удара оконные стекла разлетелись на куски, и в лабораторию ворвался морозный воздух. С ним, как показалось Винсу, влетели легионы демонов. Их были тысячи, миллионы. Всё пространство наполнилось воем и скрежетом. Генераторы вновь включились, загорелись все лампы освещения.

Винс почти инстинктивно схватил первое, что подвернулось под руку – тяжелый термостат, и не раздумывая, запустил его в Око.

Раздался взрыв, и все погасло...

Глава 6

Винс не помнил, сколько времени он провел без сознания.

Саднило плечо.

Его окружала крошечная темень. Он попытался подняться, и лишь с третьего раза ему это удалось.

Где-то на уровне глаз мигала сигнальная лампочка аварийного щитка. Он протянул руку и на ощупь повернул выключатель – в глубине комнаты двумя полосами в потолок замерцал скудный свет.

В плече, чуть повыше сердца, торчал осколок стекла. Очень узкий, как наконечник копья. Он вынул его, морщась от резкой горячей боли.

Стекол в окнах не было, и на подоконники уже порядочно намело снега. Он, шатаясь, подошёл к одному из окон.

– Бота! Ты здесь?

Зачерпнув ладонью снег, он приложил его к ране под рубахой. Снег моментально окрасился в розовое. Стряхнув его на пол, Винс огляделся в поисках аптечки.

Повсюду были осколки.

Аптечка оказалась рядом со щитком. Винс разорвал зубами два целых бинта и приложил их к ране.

Всё ещё пошатываясь, он не без труда открыл тяжёлую лабораторную дверь и вышел в пустой коридор. Лифт всё ещё работал.

На улице не горели фонари. Ветер гнал снежную сыпь по тротуару, закручивая её в микросмерчи.

Внезапно его охватил страх...

Это одно из множества разных чувств, которые испытывает человек.

Чувство опасности инстинктивно. Восприятие ребенка настроено на громкий звук, резкое движение.

Страхи детства быстротечны и неконкретны. С взрослением они перетекают в нас, остаются в подсознании. Падает книга, и мы вздрагиваем. Уклоняемся от брошенного предмета.

При опасности более серьезной, объясняемой изменениями в сознании – возникает беспокойство, привычный ход мыслей смещается, останавливается. Тело отвечает выбросом адреналина в кровь.

Такое происходит при неожиданном приближении транспорта. Или при потере кошелька.

Страх при исчезновении нужного предмета, или документа в квартире не такой сильный. Он сродни досаде, он раздражает.

Но есть страх более сильный, тот, что на порядок выше. Если из подворотни на вас нападает грабитель, убийца, отказывает двигатель самолета, или вы сорвались с утеса в пропасть.

Вас накрывает волна паники, и сознание уже неспособно выполнять свои обычные функции. Тогда ужас охватывает все естество, от кончиков пальцев до пяток.

Страх запускает механизм скрытых резервов, защитных способностей. Их хранилище находится в подкорке, и в обычных условиях эти способности запечатаны, они – табу.

Страх Винса был совсем иного рода.

Когда сознание теряет все опоры, точки соприкосновения с реальностью. Когда становится ясно, что привычный мир больше не существует, и никогда не вернется в прежнюю ипостась. Если всё человечество в один миг перестало существовать, всё – кроме тебя одного. Такой страх захватывает каждый нейрон, каждую клетку тела.

Абсолютное, полное одиночество во Вселенной.

Ум уходит в затяжной прыжок без приземления.

Навечно.

Без возврата.

Как в смерть.

Во рту пересохло.

Словно и не было никогда никаких эндорфинов. В голове Винса, как порывы ветра, проносились обрывки мыслей.

«Интересно, такое же состояние у самоубийц перед тем, как? Но я не хочу умирать...»

«Параноидально».

«А если осколок задел сердце? Тогда почему я жив?»

«Где-то я уже это читал. Когда? Точно, в детстве. Зеркало, которое разбили злые тролли... Осколок попал в сердце Кая, когда он распахнул окно».

«Тогда должна быть Герда».

Он не чувствовал холода. Он должен был пронизывать его до костей – в одной рубашке. Но его не было.

Винс попытался вспомнить, как он сюда попал. Но память повела себя странно. Он помнил про взрыв креста, что Бота исчез... Он обладал какими-то знаниями, навыками, помнил близких, друзей. Но изрядный кусок отсутствовал – о детстве, юности. Словно его кто-то стёр огромным ластиком.

И этот кто-то сейчас потешался над ним.

Винс закричал, но вместо крика из губ вышла оглушающая тишина. Он побежал по пустой улице, скользя по наледи, и остановился через метров пятьдесят, с удивлением уткнувшись в машину такси.

Она стояла у обочины перед светофором. Обычная машина, «Рено Логан».

Винс дернул ручку и нырнул в теплое нутро. Шофер, кавказец, уставился на него круглыми черными глазами.

– Куда эдэм, э?

Винс только открывал рот, как рыба, выброшенная на берег. Каким-то внутренним наитием он сообразил показать таксисту паспорт с адресом...

Дома хватило сил лишь захлопнуть за собой дверь и упасть на кровать...

Он проспал больше суток и проснулся к полудню от странного чувства – словно в квартире побывал чужой человек. Не незнакомый, а именно чужой. И что ему нужно зайти в спальню, и... там будет отгадка.

Рана на груди подсохла, и вокруг кровавой нашлапки образовалась розовая кожа.

Он встал – в мятой расстегнутой рубашке, без носков, прошел в спальню.

Ноутбук выглядел так, словно по нему со всего размаха кто-то врезал топором. Две половинки монитора валялись на полу, а в столешнице зияла рубленая дыра.

– Топор, топор, – забормотал Винс и оглядел спальню.

Так и есть.

Топор был врублен в бетонную стену по самую рукоять, как раз в том месте, где висела его фотография с похода.

Рукоять была выполнена из красного дерева и отделана серебром с рубинами.

Глава 7

Винсу стало плохо, его мутило.

Он рванул ручку туалета и наклонился над унитазом. Спазмы сдавили гортань.

В прихожей звонил звонок.

– Да иду!

Он, тяжело дыша, вытерся полотенцем. Стало немного легче. Держась за стену, он добрал до двери.

Это был Бота.

– Ё-моё, ты куда исчез? Меня как шандарахнуло, как... Это что, мелинит был, мля? Ты куда пропал?

Винс смотрел на Боту ошалело.

– Я думал, что это ты пропал...

– Прикольно. Ну, ты как вообще?

– Оклемаюсь вроде.

Бота прошёл в комнату, не разуваясь, прямо в куртке.

– Полный атас. Меня теперь из лабы потурят, там всё разнесло к чертям... Кстати, где твой ноут?

– Там, – Винс кивнул на спальню.

Бота шмыгнул в спальню, увидел остатки ноутбука и присвистнул.

– Фигасе. Это что, это кто?

– Когда я пришел, то оно уже так было.

– Дааа...

Бота поднял кусок блока за торчащий из него провод и заглянул внутрь.

– Пипец. От винта – одни кишки...

Он без надежды отпустил блок, рассматривая разрубленную столешницу.

– Винс, а ты последнее время ни у кого бабки не занимал?

– Хых.

– А соседей не заливал водой?

Бота глянул на стену и увидел топор.

– А это что за хрень?

– Это...топор. Вот я хотел у тебя спросить насчёт него.

Бота снял куртку, сапоги, зачем-то носки, и достал из кармана очки. Нацепив их на нос, он вперил взгляд в рукоять. Он был из тех ненормальных ученых, которые всё на свете забывают при виде непонятого, непознанного устройства.

– Иди, иди покури, не стой над душой. Я...сам, я сейчас разберусь. Да иди уже.

Винс вышел из комнаты. Снова начала болеть голова, и он подумал, что надо выпить таблетку. Или заварить кофе покрепче.

Кофеварка нагрелась. Он положил в рот две анальгинки, запил горячим кофе и вернулся в спальню.

Бота, в двух парах очков, уткнул нос в самое основание топора. Если бы сейчас выстрелили из пушки, он бы не обратил внимания.

– Ты пробовал его вытащить?

– Кого?

– Топор.

Бота оторвался от изучения артефакта.

– Это не топор.

– А что это?

– Смотри.

Бота дернул за рукоять, и она отделилась от стены, образовав выбоину. За ней потянулась проволока арматуры.

– Видишь, она к нему приварилась. Тут «болгарка» нужна. Сюда посмотри, – он показал на то место, где должно было быть лезвие. И Винс увидел вместо топорика продолговатую щель, заполненную водой.

По «воде» пробегала рябь, как по поверхности реки.

– Бота, я ничего не понимаю.

– Я тоже пока не понимаю. Но чисто интуитивно могу кое-что сказать. Эта штука работает на какой-то ядерной реакции. Скорее всего, нейтринной. Вода – идеальное хранилище силы. Её не смогли унести с собой, потому что тут типа такая мутька имеется. Чтобы запустить реакцию, нужен ещё один небольшой источник энергии, что-то вроде инициатора.

– Батарейка? – усмехнулся Винс.

– Точно, батарейка.

Бота нажал на выступ в рукоятке, и из торца выехал серебристый цилиндр. Небольшой, сантиметров десять длиной. На боку было заметно углубление-полоска, и в ней мерцала последняя метка, говорящая о разряде. Рядом Винс увидел градуировку, сделанную на непонятных символах, или буквах, напоминающих руны.

– Батарейка села, и арматура припаялась. Надо зарядить, и всё заработает.

Винс открыл рот.

– Ну ты даёшь!

– Это ты даёшь мне – тестер и зарядное устройство от мобилы.

...Бота оторвал штекер от зарядного блока и уже зачищал провода.

– Тринадцать вольт. Как раз от твоего умершего ноута подойдёт, там восемнадцать. Через шунт сделаю аккурат тринадцать.

Винса опять затошнило.

– Ты что, Винни? Что-то не так? – Бота прикрутил провода и воткнул блок в сеть.

– Не знаю сам. Ты делай, а я сейчас.

Винс поплелся в ванную. В коридоре ему стало совсем плохо. В глазах засверкали яркие вспышки, и он почти ослеп. На ощупь он добрался до раковины, его вырвало только что выпитым кофе, и таблетками.

Стало легче. Странно, что голова прошла мгновенно. Он вытерся полотенцем и хотел выключить смеситель, но опрокинул таз с водой. Вода растеклась по кафельному полу.

Винс поскользнулся, и... не упал. Он застыл в неестественной позе, его висок «не дошёл» до вентиля крана сантиметра два.

С таким центром тяжести тела он не мог не упасть, но факт оставался фактом – он как бы висел.

Винс перекрутился в воздухе, как кошка, и уперся рукой в ванну.

В этот момент сработали законы физики, и он шмякнулся на мокрый пол, ничего не повредив...

...Бота сидел на столе и курил.

– Ну что, получилось? – Винс все еще ментально не отошел от случая в ванной.

– Обижаешь.

Бота взялся за рукоятку и надавил указательным пальцем на один из рубинов. Пслышался щелчок, и странное оружие «отклеилось» от арматуры, оставшись в руке Боты а затем сложилось вдвое.

Глава 8

Справедливость и власть – синонимы.

Пока человек беден, он жаждет справедливости, ищет её. Он трепетно относится к ней, как к абсолютной истине. Он внимает речам политиков, говорящих о справедливости, об её отсутствии, о необходимости её достижения. Многочисленные партии и сообщества вещают о путях, ведущих к справедливому обществу, о том, как же будет всем хорошо, когда она восторжествует. Это повторяется из года в год, из столетия к столетию, но пока ни одна страна

в мире не приблизилась к ней ни на йоту. Потому что как только устраняются те или иные признаки несправедливости, как тут же появляются другие, доселе неизвестные и новые.

Можно ли представить общество, лишённое несправедливости вчистую, на сто процентов?

Вряд ли.

Обязательно найдётся что-то, чего у ближнего твоего будет больше. Больше на глоток воды, воздуха... Это некая Фата Моргана, мираж, отдаляющийся по мере приближения.

Но вот человек достигает вершин власти. Он становится материально обеспеченным и успешным. Справедливость восторжествовала.

И он больше не нуждается в ней...

На рукоятке «топора» Бота эмпирически обнаружил семь органов управления.

Технологии, отечественные, иностранные или даже инопланетные, устроены и работают по единому алгоритму. Можно ничего точно не знать, но догадаться о назначении кнопок.

Бота смотрел на рукоять, приблизив её к самому носу, и что-то быстро бормотал, как жид Моисейка из шестой палаты.

– Винс, это потрясающе, – наконец изрек он.

– Что?

– Да тут до фи́га чего есть. Вот, дистанция... Тут стоит на минимуме. А на максимуме – самолёты может сбивать! А это – ширина атаки... Мама дорогая!

Он положил рукоять на стол и стал раскачиваться на стуле, как неваляшка. Очки съехали на бок.

– Винсик, я думаю, что это тот самый Жезл Власти. Ну, из Ключиков Соломона, ты сам мне рассказывал, помнишь?

– Ну, не знаю. Смахивает на оружие инопланетян скорее.

– Этой штукой можно одному против целой армии воевать. Завоевать мир, и сделать его справедливым, наконец. Полная власть, Винс, только представь себе!

Как гром, в прихожей прозвучал звонок.

– Спрячь эту штуку пока, – Винс опасно кивнул на жезл.

Он посмотрел в глазок. Перед дверью стоял незнакомый человек.

– Вам кого?

– Калевин здесь проживает?

– Да, здесь.

– Откройте, мне надо с вами поговорить.

– А мне – не надо.

– Откройте, Винсент. Я – из ФСБ. Вот удостоверение.

Незнакомец раскрыл корочки перед глазком.

– В метро купил, дядя?

– Бросьте дурака валять, Калевин. Если хотите, можете не открывать. У меня всего два вопроса.

– Через дверь отвечу.

– Меня интересует человек, который вчера проник в вашу квартиру. Соседи описали его внешность. У вас что-нибудь пропало?

– Нет, ничего не пропало.

– Хм... Ладно. А вы сами его видели?

Винс, повинаясь скорее интуиции, чем опыту, отомкнул замок.

– Входите, ладно.

Фэсбэшник был среднего роста, в китайской куртке и джинсах. Лицо... совершенно без особых примет, ничего не выражало и ничем не выделялось.

Глаза – две пуговицы.

-Можно сесть? – он расстегнул куртку.

Бота тоже с интересом разглядывал пришельца, сложив на груди руки.

Винс сел за стол, и не чувствуя беспокойства, показал фэсбэшнику на стул напротив.

– Фролов Иван Петрович, – представился он, – Вас я знаю. А вы...

– Иванов Иван Иванович, – ляпнул Бота, ехидно улыбаясь.

Фролов невозмутимо посмотрел на Боту.

– Нет, вы – Траутенбах.

– Ну да, конечно. Вы же из КГБ...

Бота на секунду смутился.

– Перейдём к делу. Можете подробно описать того человека, Винсент?

– Разве я говорил, что его видел?

– Вы его видели. Я знаю.

– Ну, да, видел... Высокий, черные волосы. Жгуче черные, как у кавказцев. Смотрит очень неприятно.

– Властно?

– Да. Одет в камзол. Я видел такой в театре – расшитый золотыми узорами, с приподнятыми плечами, приталенный. Манжеты широкие, полы камзола доходят до колен.

– Что он делал, когда вы выходили из подъезда?

– Он... Он уронил часы. То есть, браслет.

– Описать можете эту вещь?

– Шириной около трёх сантиметров, из золота, с мелкими рубинами, наверно. Красные камни, это точно.

– Хорошо. Второй вопрос. Нам известно, что именно он вчера проник сюда, Винсент. Что искал в вашей квартире этот человек?

– Не знаю. Может, ограбить хотел?

– Не думаю. Тогда вопрос к Борису. Вы имеете доступ к секретным архивам пятого отдела института. Могло быть так, что некоторые материалы вы передавали Калевину?

– Я давал подписку. Это технически невозможно.

– Хм, допустим. Ну, а сопутствующие материалы? Винсент, вы ничего не искали в сети по просьбе Бориса в последнее время? Я спрашиваю лишь потому, что хочу сэкономить время.

– Это какие?

– Биометаллы, кюриевые источники энергии, рассекреченные документы КПСС, оккультные практикумы по трансформации...

Он не договорил.

Страшный треск разорвал пространство гостиной, и от входной двери ударила голубая молния. Штора вспыхнула, и дым стал быстро наполнять комнату. Винс упал на пол – он увидел, что в двери образовалась дыра размером с футбольный мяч.

Её края горели.

Фэсбэшник резво вскочил на ноги, в его руке оказался «Стечкин». Он выпустил короткую очередь в коридор, и у Винса заложило уши.

– Бегите к балкону! – заорал он, заслоняя Боту и Винса широкой спиной.

Снова ударила молния, угодив Фролову в плечо. Он упал между столом и диваном, хватаясь рукой за скатерть.

– Сейчас, сейчас, – Бота уже доставал Жезл. Напялив очки, он что-то там нажимал на рукоятке.

– Бота, быстрее, ёшкин кот! Что ты возишься?

В коридоре показались какие-то люди, нападавшие. Их было трое, или четверо.

Бота выбросил руку с Жезлом, нажал на спуск, и в тот же миг комнате вспыхнула, наверное, сотня солнц.

Винс закрыл глаза...

Глава 9

Перед глазами стояло яркое пятно. Такое всегда бывает, когда ловишь зайчик от электросварки. Винс поводит головой в стороны – пятно быстро исчезло.

Комнату заполнял зеленый дым. На том месте, где должна быть дверь, зияла дыра размером два на два метра. Даже часть потолка оказалась снесена огнем из «топора».

Винс обернулся – Бота стоял с открытым ртом, и всё ещё сжимал в руках бластер.

– Винс...

– Что?

– По-моему, я его убил.

– Кого?

– Того, кто был за дверью. А если не убил, то ему сейчас очень плохо.

Винс сделал два шага назад и чуть не наткнулся на эфэсбэшника – тот был мёртв. С такой раной не живут и полсекунды.

– Бота, я думаю, что нам надо выметаться отсюда. И чем скорее, тем лучше.

– Согласен.

Друзья в одно мгновение выбежали на площадку.

Пол и стены были покрыты тёмно-зеленой слизью. Она пузырилась и источала тошнотворный запах. На полу валялся оплавленный предмет, напоминающий по форме маузер из сериала «Звёздных Войн».

– Ни фиги себе, – протянул Бота.

– Давай быстрее, – поторопил Винс.

Наверху уже хлопали двери.

Они почти побежали вниз по ступенькам. На ходу Бота засунул «топор» в полиэтиленовый пакет, и вовремя. Навстречу шла соседка Винса, тётя Надя.

– Винсент, что там случилось? Ты пожар устроил?

– Не, тётя Надь. Это надо мной, на четвертом.

– Как же на четвертом, когда у тебя? Ты куда это бежишь?

– На работу опаздываю, тётя Надь, на работу.

...До дома Боты они добрались на частнике.

Бота закрыл за собой входную дверь и только тогда наступил «отходняк» от произошедшего. Он залпом выпил полстакана водки и захрапел прямо в кресле.

Винс беззвучно упал на тахту, и его сознание провалилось в черную яму...

Снова пришёл тот самый страх, который не укладывался в обычные стандартные понятия. Хотя скорее это был не страх, а какое-то состояние ментальной пустоты. Словно весь мир, люди, страны, континенты в один миг исчезли, оставив даже не воспоминания, а лишь их тень. Абсолют одиночества, усиленный в тысячу раз.

Он видел сон.

Бывают сны, которые забываются при первых лучах рассвета. Бывают сны, которые помнишь всю жизнь. Однако и в тех, и в других личная воля оказывается парализованной – словно это не твой сон, а навязанные каким-то иным, невидимым существом серии картинок и сюжетные линии.

Сначала он летел над землей, едва касаясь поверхности. Города, реки и леса казались крошечными, он почти задевал за крыши и шпили зданий ботинками. Но стоило ему удивиться этому факту, как в одно мгновение всё пришло в норму.

В следующий отрезок времени Винс попал в странное место, напоминающее Стоунхендж. Только каменные столбы были не каменными, а светящимися, радужными. И размеры их были колоссальны – вершины терялись в облаках. Они меняли очертания, словно жидкие кристаллы. Винс вдруг понял, что причиной этому – его собственные мысли. Стоило ему подумать о чём-то, как это мгновенно отразилось на поверхности ближайшего столба.

«Это Престолы» – сказал кто-то невидимый.

Винс зачем-то стал их считать, он не помнил, сколько столбов содержит настоящий Стоунхендж. Двенадцать, или больше.

Один «столб» не реагировал никак. Он был прозрачным, и сквозь него виднелась лужайка и лес.

«Этот Престол свободен», – сказал кто-то.

Затем видение исчезло. Он шел по улице, и прохожие запрокидывали головы. Над городом проплывали огромные полупрозрачные внеземные корабли. Некоторые были длиной несколько километров. С рядами светящихся окон-иллюминаторов. Они плыли беззвучно нескончаемой чередой.

Он проснулся в отличном расположении духа и тела, и не сразу вспомнил, что было вчера. А когда вспомнил, происшедшее показалось не таким уж и трагичным.

... Бота сидел на кухне и укладывал тонкие кольца копченой колбасы на сковородку.

– Даже и не говори ничего. Сначала поедим, а потом будем думать. Я есть хочу, как серый волк.

Винс тоже почувствовал голод.

Бота разбил в стакан несколько яиц и вылил в колбасу.

– Кофе наливай уже.

Они сидели в маленькой ботиной кухоньке и ели яичницу прямо из сковороды.

– Думаю, что вся эта заварушка из-за той книги, – сказал Бота.

– А не из-за топора?

– Нет. Слушай, Винс, что там за софт такой в твоей книжке?

– Долгая история.

– Но всё же, расскажи в двух словах.

– Ну, если в двух словах, то расскажу. Считается, что существует некая биоэнергия. Проще сказать, что поднимать разные материальные объекты можно не только с помощью механизмов, а и с помощью направленной этой самой биоэнергии. Это же относится к пророчествам, исцелениям, ясновидению и судьбе. В древности наука, занимающаяся этими вопросами, называлась магией. Существовало множество книг и устных преданий, где описывались методики и ключи, которыми открывается путь к таким сверх-способностям. Но все они были зашифрованы. К примеру, открываешь ты такую книгу, и видишь текст заклинания. Автор уверяет, что это заклинание самое что ни на есть действенное, нужно только соблюсти все условия. Простофили тщательно всё соблюдают, заучивают тексты, штудируют, взвешивают пучки трав и порошки, высчитывают звездное время, и... ничего не получается. В досаде они обвиняют автора в обмане.

А автор сказал чистую правду. Потому что дело не в заклинании, а в самом процессе. Можно учить словарь монгольского языка или читать Шекспира в подлиннике, эффект будет тот же. Главное в том, чтобы изменить не окружение, а самого себя.

Эта книга – единственная, где об этом сказано легко и просто, и напрямую.

– Хм, теперь понятно. А зачем тогда мы делали эти фокусы с цифрами и со смещением частоты?

– Хороший вопрос. Одно дело – примитивная магия, и другое дело – реализационная власть над мирозданием. Тут надо быть богом, а богом быть очень трудно. Как утверждает книга, для этого надо натурально «повисеть на кресте», и уж тогда можно будет «гулять по воде».

– Сказки не говори. Иисус висел натурально на обычном деревянном кресте, а не на стеклянном.

– В том-то и дело, что мы не знаем, на чём он висел. Ну как написать в Евангелие про стеклянный крест, золотые электроды от волхвов и генератор высокой частоты от Пилата? Потомки не поверят. Аллегория, батенька.

Бота вдруг помрачнел.

– Ну да, ну да. А стеклянный осколок, про который ты мне рассказал – Копьё Судьбы?

– Не знаю я, если честно. Но с того момента чувствую себя не в своей тарелке. Словно бациллу какую-то подхватил.

– Винс, знаешь, всё это смахивает не на магию, а на инопланетную технологию, – Бота кивнул на рукоятку бластера, торчащую из мешка.

– Может быть ты и прав. А если ты прав, то мы сегодня же узнаем это.

Глава 10

Но сегодня настало, и ничего не произошло. Винс ходил на работу, причем умудрился не попасть на глаза начальству. Он просидел на своем месте, в закутке под лестницей, до обеда занимался разработкой схемы и думал о происшедшем накануне.

Всё было привычно, но не совсем. Временами его сознание менялось, и он проваливался в какое-то странное состояние, похожее на безразличие.

«Достигнув точки без жалости, Карлос...» – проносилось в мозгу.

Он ушел на час раньше.

Придя к ботиному дому, он с досадой подумал, что не сможет попасть в квартиру без ключей. Непонятно, зачем надо было уходить с работы раньше.

Винс сел на лавочку во дворе.

Всё сложилось просто замечательно. Дома у него теперь не было, и неизвестно, будет ли он теперь вообще.

А почему замечательно?

Во дворе стояла тишина, нарушаемая лишь чириканьем воробьёв и отдаленным шумом проезжающих по ту сторону дома машин. Солнце уже припекало, и в проталинах пробивалась зелень.

Он чуть не задремал.

Однако лучше погреться в подъезде. Винс поднялся на этаж и на всякий случай подергал ручку двери – она была не заперта. Наверно, Бота забыл её закрыть, когда уходил.

Винс вошел в прихожую, снял куртку и хотел было заняться ужином, как в дверь позвонили.

Он открыл машинально, не помня о возможной опасности.

Это была девушка, неопределенного возраста, как у голливудских кинозвёзд. Он всегда находился в затруднении – у них у всех тело как у двадцатилетней, лицо тридцатилетней, интеллект приближен к нобелевскому лауреату, а мастерство владения рукопашным боем вообще тема отдельная.

Так и здесь.

Она была ослепительно красива, но эта красота была неестественна. Как идеальны пропорции паука, или чертежи архитектурного сооружения. Да, они идеальны, но нечеловечны.

Не говоря ни слова, она переступила через порог, как переступают через гроб, и с невероятной силой толкнула его в грудь.

Чуда не произошло. Винс, теряя равновесие, зацепил рукой за висящие на вешалке вещи и упал на пол, сильно ударившись головой о край тумбочки.

... Очнулся он в комнате, на диване. Гостья склонилась над ним, приблизив лицо на минимальное расстояние.

– Очнулся, красавчик?

В руке она держала шприц. По игле стекала зеленая капля.

– Ты кто?

– Я Лиля. Лежи, у тебя мало сил. Хозяин скоро будет здесь.

– Какой хозяин?

– Наш Хозяин.

Она засучила ему рукав и поднесла шприц к плечу.

Ну уж нет!

Винс попробовал встать – не получилось. Похоже, тело было парализовано. Он попытался собрать все силы, какие были, в кулак, хотя паралич не позволил бы этого сделать. Но странное дело, у него получилось. Одно действие оказалось очень даже по силам – Винс размахнулся и ударил незнакомку в висок.

Эффект оказался вовсе не таким, как он ожидал – девушка взмахнула руками и в один момент оказалась у противоположной стены. Кулак протаранил пустой воздух.

Раздался свист, словно с газового баллона сорвало вентиль. Гостья махала руками, как птица, и висела над полом. Её красную блузку трепало ветром.

– О, я ждала этого, Винсент. Ты настоящий боец. Но что ты можешь сейчас, что ты можешь, что ты можешь, что ты можешь...

Она вдруг сорвалась и стала летать по комнате, пронизывая предметы – шкаф, люстру, дверь, часть стены, стулья.

Винс увидел сумку с бластером – она лежала на полу всего в паре метров от него. Достать!

– Даже не думай!!! – дико закричала Лилит. Её лицо исказила гримаса гнева. Она вдруг подлетела близко и горячо зашептала ему прямо в затылок:

– Ты не понимаешь. Это их работа...ЭТО ИХ РАБОТА! А ты ничего не сделаешь, не спасёшь. Ты не спаситель, ты жалкий сгусток органики.

Он снова махнул рукой – одной, вторая не работала. Она отскочила, как привидение от креста, и вдруг из её тела брызнули лучи. Они отделялись в самостоятельные извивающиеся отрезки, свивались кольцами. Комнату наполнил желтый дым с запахом – словно горела пластиковая проводка.

– Он идёт, он идёт! ОН ИДЁТ!!!

Дверь в прихожую распахнулась, и яркий квадрат света ударил в глаза Винсу.

Шипение стихло.

«Лучи», словно гады, расплзлись по половицам под шкаф, за ковер...

Перед Винсом на стуле сидел человек. На вид ему было чуть больше сорока. Среднего роста и телосложения, с правильными чертами лица, человек был одет в средневековый приталенный камзол викторианской эпохи алого цвета с вышитыми золотом вензелями на лацканах и бортах. Кожаные штаны венчал широкий пояс с пряжкой, на которой красовался замысловатый герб. К поясу карабином был пристегнут предмет, похожий на шпагу.

Винс почувствовал, что паралич прошел начисто. Он пошевелил руками, ногой – всё в норме.

– Кто вы такой? – спросил он незнакомца, и тут вдруг почувствовал, что ЗНАЕТ. Винс знал, кто сидит перед ним на стуле, но его сознание отказывалось сформулировать это слово. Словно оно было не из человеческого синтаксиса.

Незнакомец улыбнулся – просто и открыто. Но лишь внешне – глаза его оставались холодными и непроницаемыми.

– Вот мы и снова встретились, Кальвин. Жаль, но мы пока не знаем, как вы умудряетесь повторять один и тот же генетический порядок ДНК вот уже две тысячи лет.

– Я не Кальвин, – только и смог произнести Винс и вдруг увидел себя со стороны. Его сознание раздвоилось, легко и тихо, как в книгах о колдунах. Он видел себя метрах в десяти, хотя комната не позволяла этого, она была меньше. Мысли тоже распались на две части, и жили одновременно, нисколько не путаясь.

– Вижу, что ты преуспел премного. Книга уничтожена, но ведь ты можешь восстановить её. Написать снова, не так ли? Ты теперь многое можешь.

– Что же я могу? – с усмешкой спросил первый Винс.

– Зови меня Лю. Мы с тобой теперь как бы равные, так к чему официоз. Что ты можешь, я тебе покажу. Скажем, ты можешь превратить вон те камни в цветочном горшке в хлеб. Давай, попробуй.

Винс почувствовал, что кто-то третий вмешивается в поток его сознания. Он, теряя волю, взмахнул рукой над горшком, но вдруг обе его ментальности резко соединились. Его обуяла банальная гордыня.

– Пробуй!

-А не пошел бы ты к такой-то матери?

Энергия спала на ноль. Вензеля на камзоле Лю потускнели.

– Хм, хорошо, ладно. А может, у тебя не вышло? Ну тогда, в лаборатории, помнишь? И я зря пришел к тебе... И ты ничего не умеешь. Вот, моя рабыня толкнула тебя, и ты упал. И кровь у тебя на рубахе простая запеклась, вижу.

Винс снова разделился надвое, и ощутил боль. Он провел рукой по виску – там ничего не было. Ни ссадины, ничего.

– Тогда ты попробуй, Лю. Может у тебя получится толкнуть меня сильнее? Я упаду, и никакие ангелы не понесут меня на крыльях.

Лю улыбнулся снова. На этот раз зло заиграло в его глазах. Он встал со стула и протянул руку к Винсу. Рука удлинялась непомерно, словно росла.

Но ничего не произошло. Винс явственно увидел преграду между нами. Словно Лю был на экране, а Винс – по эту сторону.

– У меня к тебе предложение, чисто деловое, Кальвин, – Лю отдернул руку.

– И какое же?

Лю достал из кармана серебристый шар, размером с теннисный мяч. Шар поднялся над рукой и засветился, освещая комнату.

Стены растворились под его лучами. Теперь они стояли на круглой площадке, парящей в облаках. Кругом, на сколько хватало глаз, на высоте в несколько километров над землёй повсюду висели Корабли. Их были сотни. Некоторые медленно вращались, другие просто беззвучно двигались, третьи застыли, словно мертвые. Но все были одинакового серебристого цвета.

– Посмотри, сколько нас. Мы не видны никому, световые лучи огибают наши дома вокруг. Эта армада может снести людей с лица земли в мгновение ока.

– Не может, – вдруг сказал Винс.

– Да, я слукавил. Ты нужен нам, Кальвин. Такие как ты меняют нашу энергию, и мы становимся сильнее. Ты будешь иметь всё что пожелаешь в вашем земном понятии. Ты будешь богат, успешен. Ты поведешь за собой армаду, мы вместе...

– Не хочу.

Глаза Лю налились кровью.

– Не хочешь? Жалкий книжный червь, да я уничтожу тебя одним пальцем, если захочу!

Лю в ярости бросился на Винса, выхватывая из ножен длинный узкий бластер, но вдруг страшный разряд, голубая вспышка вырвалась из головы Кальвина, как сыплются искры из глаз. Она ударила в бластер Лю, разорвав его пополам. Его рука окрасилась кровью. Чтобы не упасть, Лю ухватился руками за пол, припав на одно колено...

Винс проснулся.

В комнату ввалился Бота с пакетами в обеих руках.

– Ну, помоги что ли, – недовольно пробурчал он.

– Да, сейчас.

Винс выхватил и положил пакеты на стол.

– Я там хавчик притащил. Колбаски, сыру, минералки. Извини, на пиво грошей не хватило.

– Не суетись, сядь лучше. Мне сейчас снилось... Н-н-нет, не снилось. Я не знаю, что это было.

– А это что у тебя? Ты что, колотья начал? – Бота показал на след от укола в плече.

– Нет, не начал. Сядь, говорю.

Винс рассказал все, что ему привиделось, он помнил все до мельчайших подробностей. Это было странно. Бота внимательно слушал, потом, помолчав с минуту, сказал:

– Всё это жутко смахивает на искушение Христа Дьяволом. Прямо по Матфею чешешь.

– Ты думаешь?

– Ну да.

– Чертовщина какая-то. Ладно, пошли на кухню. У тебя вина нет?

– Ты спятил? Вода, говорю. «Аква Минерале».

Бота раскрыл пакет и извлек оттуда узкий глиняный кувшин.

– Ни фиги себе. А где вода?

Он вытащил пробку и понюхал.

– Вино! По запаху неплохое... что-то я не то купил, блин. Надо барбиталу выпить от глюков.

Винс улыбнулся, уже не удивляясь ничему.

– Пошли на кухню, вечерять будем. С вином.

– Тайно?

Глава 11

«И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков.

И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним»

(19-20 от Матф.)

Я постоянно жду, когда мне разрешат писать. Видимо, в небесной (или подземной) канцелярии свои законы. Жизнь разделилась на «до» и «после», как у кадия Абдуллы...

Как совместить несовместимое? Второй вопрос – зачем это надо?

Допустим, горы Анды и строение земноводных.

Или походку кошки и полеты в космос.

Лёд и пламень.

Или вот – океанский прибой и сомнения по поводу покупки миксера...

Последнее легко объединить единым аспектом, это просто. Как известно, приливы и отливы обусловлены лунными фазами. Клетки головного мозга на 80% состоят из воды, и в них тоже происходят микроскопические приливы и отливы. И тогда мы либо беспричинно сомневаемся, либо исполняем уверенность...

Второй вопрос – зачем.

Попытки разрешения трудноразрешимых дилемм приводят к гибкости самого процесса. Это, в свою очередь, усиливает способность к нивелированию мелких деталей, к укрупнению шаблонов и созданию символов. Следующий шаг – прямое знание, мудрость и открытие абсолютной Истины. Само собой разумеется, что «познать» её нельзя, ибо на истину не распространяется человеческая логика. Но пребывать в ней можно.

Познавший истину мудрец думает и поступает истинно. Он не ищет ответы на вопросы.

Представь, читатель, человека без недостатков. Семь миллиардов одинаково хороших людей...

Идеальная вычислительная машина без слабостей и пороков. К такому эталону нас призывает стремиться церковь и всевозможные Откровения и учения. Хотел ли этого Создатель – ещё вопрос...

...Белка жила в четырехкомнатной квартире на двенадцатом этаже, в элитном доме. Её зарплаты менеджера хватило бы лишь на половину квартплаты, если бы не отец. Папа у Белки, в прошлом известный бандит, уже семь лет жил в Испании, в своем доме на Коста Бланка. Он уехал туда сразу после вступления в должность зам. прокурора области, и регулярно присылал Белке деньги.

Квартиру Белка загадила еще в первый год, напрочь. В комнатах царил хаос. Особенность её психики была такова, что все покупки благополучно терялись в столе, в шкафу, на лоджии, под диванами, в кучах вещей, которые она никогда не носила, но покупала. Четыре айфона сгинули бесследно, несколько планшетов исчезли, пара роликовых коньков, куча дисков и флешек... Белка расстраивалась, искала, потом покупала новую вещь – точно такую же. И всё повторялось.

Единственным жилым помещением была кухня. О, это был шедевр мещанства! Календарики, ханьки на ниточках, какие-то бутылочки с корабликами, плеяда постоянно цветущих кактусов, поделки народного творчества, банки с декоративными разноцветными крупами, ёжики и вязаные коты. Странно, но все это бесполезное барахло, расставленное и развешенное на кухне казалось бы бессистемно, создавало потрясающую атмосферу покоя и комфорта.

Белка сидела за столом, стилизованным под сруб, жевала попкорн и смотрела музыкальный канал – телевизор ей под самый потолок приладил Бота, мастер на все руки.

Прозвенел домофон.

– Счас, – она надела тапки-львята (сзади волочились хвосты) и нажала в прихожей кнопку, глянув на монитор.

Открыла входную дверь.

На пороге стоял Бота, а сзади него – Винс. Винс держался за друга и лучезарно улыбался.

Белка всплеснула руками.

– Божечки, хороши друзья. Где вы так набрались?

– А м-мы и тебе принесли, – Бота достал из пакета кувшин с вином.

– Заходите, в дверь хреначит.

На кухне Белка поставила кувшин на стол, разглядывая его. Покрытый известковым налетом и зеленоватыми вкраплениями.

– Где вы это взяли?

– Пей, дочь, се кровь моя, – изрек Винс и плюхнулся на стул.

Она откупорила пробку, понюхала (женщины всегда так делают) и налила в стакан. Выпила.

– Какая прелесть!

Белка почувствовала себя странно. Словно не опьянела, а стала еще трезвее – если такое возможно. Она зачем-то потрогала лоб Винса, вернее сказать – попыталась. По его голове тот час прошла волна голубых искр, перешла на её руку...

Белка в ужасе одернула пальцы. Её лицо сделалось серьёзным, а в глазах смешался страх и удивление.

– У меня... У меня... – проговорила медленно она, оглядывая кухню так, словно в первый раз видела её.

– Что у тебя? – Бота икнул.

Она вскочила и, озираясь, открыла дверцу холодильника.

– Сейчас. Сейчас я сделаю смесь номер три вам. Вы сколько выпили этого...вина?

– Кувшинчик...ик.

Она наболтала миксером какие-то ингредиенты и дала Винсу и Боте это выпить.

Смесь была холодная, острая, и вкусная. Действовала быстро.

– Ух, хорошо. Спасибо, девушка, то что надо.

То, что увидела Белка, было сверхъестественно и необъяснимо. Стены растворились, они стали прозрачны как хрусталь. Она видела лестничную площадку, свою гостиную, часть улицы и соседку тётю Машу, гуляющую с мопсом Шурой во дворе. Видение исчезло, когда она отошла от Винса к холодильнику. Она колебалась – рассказать парням или нет об этом, слишком это было отчетливо. Она осторожно подошла к Винсу, и почувствовала легкое пощипывание на кончиках пальцев, словно статическое электричество.

Стена за Винсом стала расплываться...

...Она рассказала.

Винс слушал. Белка ожидала, что они начнут смеяться по окончании её эмоциональной тирады, но Винс не проронил ни слова.

– Знаешь, у меня тоже начались странности. Видения, idiotские сны, но что вообще я понять не могу, кое-какие почти волшебные способности.

– Какие?

– Я не могу упасть, если поскользнусь. И...

– Что – ик? По воде ходить можешь? – Бота икнул последний раз.

– Не пробовал. Но молнии метать, аки Зевс, могу. Сам нечаянно обнаружил.

– Ух ты. Покажи!

– Нет, сейчас не получится. Надо, чтобы я разозлился, и ещё есть условие. Надо, чтобы была некая справедливость.

– Как это?

– Я шел по улице, вечером, и увидел драку. Двое пьяных парней били бомжа, старика. Всё получилось само собой. Я крикнул им: «Что вы делаете?» и вот так вскинул руку. Вылетел голубой шар, и ближнему парню снесло голову. Второй убежал. Сейчас, наверное, в психушке он.

Наступила тишина.

В этой тишине Винс и Белка дружно посмотрели на Боту.

– Бота, а ты не заразился ничем таким? Может и ты теперь как бы волшебник?

Бота сидел с виноватым лицом.

– Нет, ребят. Со мной ничего такого. Всё, как обычно. Дайте выпить, а?

– По ходу тебе хватит, – Белка убрала кувшин в холодильник и посмотрела на Винса.

– Винс, он врет.

– Врёшь?

– Нет. Ей-богу, честное слово.

– Покажи руку, – Белка угрожающе придвинулась к нему.

– Какую руку?

– Правую.

– Ладно, сдаюсь.

Он засучил рукав и показал предплечье – от запястья до локтя. Во всю длину его отчетливо был виден шрам – одно слово:

ОДЕСНУЮ

– Откуда ты узнала?

– Увидела только что. И давно это у тебя?

– Появилось на следующий день после того, как крест рванул в лаборатории. Я и тёр, и грел – ни фи́га не пропадает.

Винс достал пачку сигарет, но передумал курить. Он сделал два шага по кухне и остановился, глядя в темное окно.

– Есть еще одна странность, ребят. Я теперь врать не могу. Как в кино с Джимом Керри.

– Это смешно, – Белка достала сигарету и закурила.

– И что всё это значит? Скажи, Винни.

– Мне кажется, нас к чему-то готовят. Кто-то очень могущественный и невидимый. Готовит к какой-то миссии.

– Чушь полная.

– Не веришь? Бота, покажи ей ту штуку.

Бота молча расстегнул молнию на сумке и положил на стол инопланетный бластер.

Белка широко раскрыла глаза, с любопытством разглядывая полированную рукоять с рубиновыми глазками.

– Это что? Это фен такой? – она уже хотела ткнуть пальчиком в какую-то кнопку.

– Не трожь! – Бота накрыл своей рукой бластер.

– Это оружие, Белл. Оттуда, – Винс показал пальцем на потолок.

Глава 12

"Может ли Бог создать камень, который потом не сможет поднять?"

(Притча-абсурд)

... Их повезли сначала на Петровку – так сказала Белка, она видела маршрут. Потом оперативники долго говорили с кем-то по телефону, и машина развернулась на Лубянку.

Позвонила консьержка и сказала, что пришли из домоуправления. Белка открыла, хотя чувствовала уже, что никакого там домоуправления не было. Вошедший, капитан в сопровождении двух омоновцев спросил, кто есть кто:

– Борис Олегович Траутенбах, это вы? Васильева, хозяйка квартиры, понятно. А вы – Винсент Калевин. Так?

– Так. А что вам надо?

– Разберемся в отделении. Там вам всё расскажут.

На них надели наручники и засунули в милицейский минивэн «Фольксваген», повезли.

На Лубянке их провели через задний двор и закрыли в относительно чистой приличной комнате с диваном, столом и одним стулом. В углу даже стоял куллер с водой – цивилизованно.

– У меня сейчас истерика начнется, если я папе не дозвонюсь, – Белка даже не успела тапочки переодеть. Она нервно тыкала в сотовый, который почему-то не конфисковали. Почему не конфисковали, стало быстро понятно – здесь он просто не работал.

– Винни, это стопудово из-за твоей квартиры. Там – мертвяк, и полный разгром, и теперь это на нас повесят, как пить дать упекут.

Винс ходил по комнате, Белка сидела на стуле, Бота комфортно расположился на диване.

– Мальчишки, и что теперь будет?

– Да ничего не будет, – Винс вытащил пачку сигарет, – Курите, кто хочет.

Никто не изъявил желания.

– Как это – ничего? Я же вижу, Винс, это тюрьма, – Белка вертела головой вокруг, по стенам.

– Через час мы будем далеко.

– Откуда ты знаешь? А, ты же теперь ясновидящий.

– Именно так, Белка. Через сорок минут за мной придет конвойный, думаю. Потом... Потом я вернусь, и мы уйдём отсюда. Куда-то наверх.

– Наверх?

– Да, почему-то так. По другому сценарию ничего не получится. Есть другая реальность – мы выйдем через двери, и нас расстреляют прямо на улице, из бластеров.

– Кто?

– Тот, в камзоле, и его...люди. Хотя они не совсем люди.

– Может, пояснишь?

Винс бросил пачку сигарет в угол комнаты – они теперь были не нужны.

– Поясню. И расскажу вам одну интересную историю, пока есть время.

Наука утверждает, что человек появился 1-2 млн. лет назад. Правда, при этом она не может ответить на другие вопросы – почему и как он стал разумным, почему ДНК женщин и мужчин принципиально отличается, почему обезьяна так и осталась обезьяной за миллионы лет, и почему инопланетяне (если они существуют), подобные людям, достигли неизмеримо больших успехов в плане неземных технологий...

Человек разумный возник в кембрийском периоде, примерно 500-600 млн. лет назад. Чтобы достигнуть необычайных высот цивилизации, человечеству потребовалось еще 3 млн. лет. Тогда Землю населяло около 10 млрд. жителей, ими были построены огромные мегаполисы и созданы средства коммуникаций.

Прогресс коснулся и сознания людей. Люди научились управлять здоровьем тела, долголетием, гармонией, развивали науки и искусства.

Но законы изменчивости вида никто не отменял.

Из общего числа выделилась особая каста – избранных. Тех, кто в большей степени, чем остальные, владел телепатией, внушением, телекинезом и иными магическими знаниями.

Они попытались взять власть над человечеством, они желали главенствовать и иметь привилегии.

И тогда началась война.

И разрушились многие города от страшного оружия, погибли миллиарды. Маги были окружены, а их армия побеждена.

Перед победителями встала дилемма. Уничтожив их, человечество было обречено на замедление эволюции – ведь каста магов являлась наиболее высокоразвитой в смысле интеллекта частью людей. Ученые, видные политики, талантливые организаторы составляли её. Оставив же их, пришлось бы рано или поздно пойти на компромисс и смириться с несправедливым распределением продуктов всеобщего труда.

Маги не стали ждать решения своей участи, они оказались умнее, и ушли сами.

Нет, они не покинули Землю на летательных аппаратах, как Великие Магачитлы Алексея Толстого.

...Они исчезли, как Тольтеки.

Как известно, существует несколько измерений – до девяти, наподобие слоёв луковицы. И наш мир является одним из них.

Но есть между мирами теоретически непреодолимое препятствие. Проникнуть из одного в другой может только энергия в чистом виде. Ментальная, астральная и ещё черт знает какая, но только не материя. Материя слишком громоздка и груба.

Маги достигли таких вершин науки, что могли с легкостью превращать не только материю в энергию, что довольно просто, но и энергию – в материю. Примерно так, как из электричества создавать яйцо. Они ушли в сопредельный мир и там основали свою, новую цивилизацию, существующую параллельно с нашим миром и донине. Этот новый мир оказался менее комфортным, и маги не оставили попыток вернуться в старый. Вернуть его.

И они построили Машину.

Машину инволюции, запускающую процесс эволюции вспять. И расположили её в географическом центре всех земных культур. Она представляла собой погребенный в земле стеклянный крест, заполненный источником жизни – водой...

...И человечество деградировало и практически исчезло с лица земли. Города за миллионы лет превратились в песок, машины и механизмы сгнили без остатка.

Но случилась совсем непредвиденная вещь. Из серой, недостаточно ученой массы людей стали выделяться интеллектуально более развитые индивидуумы – согласно той же теории изменчивости вида.

Но и среди самих магов оказались предатели, которые были против уничтожения людей, как низшего вида. Они посылали зонды в мир людей, которые предупреждали их – рисовали круги на полях, зашифровывали знания в письменных памятниках и артефактах. И появлялись сами – свидетельства об этом дошли до наших дней в виде легенд о всемогущих богах и пророках.

За полмиллиарда лет человечество возрождалось и умирало несколько раз – потому что адская Машина работала. Это являло собой непрерывную борьбу между магами и их идейными противниками.

И тогда противники уничтожения решили передать свои знания, накопленные за миллионы лет, людям. Вооружить их, сделать равными магам. И написали Гримуары. Таким образом, любой человек, следующий инструкциям, заложенным в этих Гримуарах, смог бы реализовать свои скрытые способности и развить их до значительного уровня...

Однако маги миллионы лет пристально следили за тем, что происходит на Земле. Порталы перехода располагались в местах силы, в храмах, в университетах, в труднодоступных местах – лесах, горах, на берегах океанов.

И до сих пор никому не удавалось прочесть и расшифровать Гримуары полностью. Все подобные попытки пресекались магами из особой касты «Лю Сатан»...

Молчание длилось с минуту.

– Винни, так это и были те самые Гримуары? – Бота встал с дивана и поднял сигареты с пола. Хотелось курить всё равно.

– Те самые.

– И... что теперь делать со всем этим?

– Я и сам не знаю. Вернее, я узнаю о том, что надо делать так, словно мне кто-то говорит. Кто-то руководит мной, какое-то моё второе «я».

Белка вдруг бросила свой мобильник и вперила глаза в стену.

– Конвойный идёт.

Через пару секунд ключ повернулся в замке и дверь открылась.

– Калевин, на выход, – сказал вошедший сержант. Второй сопровождающий с оружием по инструкции оставался снаружи.

Его привели в комнату дознания. Наручники сняли.

За столом сидел худощавый человек в штатском, средних лет, с уставшим взглядом, лет пятидесяти.

– Майор Сенин, присаживайтесь, – представился он.

Винс сел.

Майор листал бумаги минут пять, потом достал какой-то пакет и положил справа от себя.

– Понимаете, почему вы здесь?

– Понимаю.

– Что скажете?

– Да ничего нового, кажется. Какие-то люди ворвались в мой дом и открыли стрельбу. В комнате находился ваш сотрудник, он был ранен. У нас было оружие, и мы ответили огнем. Не знаю, что стало с нападавшими – но кажется, мы никого не убили.

– Какое оружие было у вас?

– Бластер.

– Этот? – майор поднял с пола сумку и раскрыл её. Там был «топор».

– Да.

– Откуда он у вас?

– Нашел в своей квартире после того, как кто-то сломал мой ноутбук.

– Можете показать, как он работает?

– Я не знаю. Бота... То есть, Траутенбах знает.

Майор пододвинул пачку сигарет.

– Курите.

– Бросил, спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.